

{numeration}

Жили-были дед да баба, а у них были две внучки-сиротки - такие хорошенькие да смирные, что дед с бабушкой не могли ими нарадоваться. Вот раз дед вздумал посеять горох; посеял - вырос горох, зацвел. Дед глядит на него, да и думает: «Теперь буду целую зиму есть пироги с горохом». Как назло деду, воробьи и напали на горох. Дед видит, что худо, и послал младшую внучку прогонять воробьев. Внучка села возле гороха, машет хворостиной да приговаривает: «Кишь, кишь, воробьи! Не ешьте дедова гороху!» Только слышит: в лесу шумит, трещит - идет Верлиока, ростом высокий, об одном глазе, нос крючком, борода клочком, усы в пол-аршина, на голове щетина, на одной ноге - в деревянном сапоге, костылем подпирается, сам страшно ухмыляется. У Верлиоки была уже такая натура: завидит человека, да еще смирного, не утерпит, чтобы дружбу не показать, бока не поломать; не было спуску от него ни старому, ни малому, ни тихому, ни удалому. Увидел Верлиока дедову внучку - такая хорошенькая, ну как не затрогать ее? Да той, видно, не понравились его игрушки: может быть, и обругала его - не знаю; только Верлиока сразу убил ее костылем.

Дед ждал, ждал - нет внучки, послал за нею старшую. Верлиока и ту прибрал. Дед ждет-пождет - и той нет! - и говорит жене: «Да что они там опозднились? Пожалуй, с парубками развозились, как трещотки трещат, а воробьи горох лушат. Иди-ка ты, старуха, да скорей тащи их за ухо». Старуха с печки сползла, в углу палочку взяла, за порог перевалилась, да и домой не воротилась. Вестимо, как увидела внучек да потом Верлиоку, догадалась, что это его работа; с жалости так и вцепилась ему в волосы. А нашему забияке то и на руку...

Дед ждет внучек да старуху - не дождется; нет как нет! Дед и говорит сам себе: «Да что за лукавый! Не приглянулся ли и жене парень чернявый? Сказано: от нашего ребра не ждать нам добра; а баба все баба, хоть и стара!» Вот так мудро размысливши, встал он из-за стола, надел шубку, закурил трубку, помолился богу, да и поплелся в дорогу.

Приходит к гороху, глядит: лежат его ненаглядные внучки - точно спят; только у одной кровь, как та алая лента, полосой на лбу видна, а у другой на белой шейке пять синих пальцев так и оттиснулись. А старуха так изувечена, что и узнать нельзя. Дед зарыдал не на шутку, целовал их, миловал да слезно приговаривал.

И долго бы проплакал, да слышит: в лесу шумит, трещит - идет Верлиока, ростом высокий, об одном глазе, нос крючком, борода клочком, усы в пол-аршина, на голове щетина, на одной ноге - в деревянном сапоге, костылем подпирается, сам страшно

ухмыляется. Схватил деда и давай бить; насилиу бедный вырвался да убежал домой. Прибежал, сел на лавку, отдохнул и говорит: «Эге, над нами строить штуки! Пстой, брат, у самих есть руки... Языком хоть что рассуждай, а рукам воли не давай. Мы и сами с усами! Задел рукой, заплатишься головой. Видно тебя, Верлиока, не учили сызмала пословице: делай добро - не кайся, а делай зло - сподевайся! Взял лычко, отдай ремешок!» Долго рассуждал дед сам с собою, а, наконец, наговорившись досыта, взял железный костыль и отправился бить Верлиоку.

Идет, идет и видит ставок, а на ставке сидит куцый селезень. Увидел деда селезень и кричит: «Так, так, так! Ведь я угадал, что тебя сюда поджидал. Здоров, дед, на сто лет!» - «Здорово, селезень! Отчего же ты меня поджидал?» - «Да знал, что ты за старуху да за внучек пойдешь к Верлиоке на расправу». - «А тебе кто сказал?» - «Кума сказала». - «А кума почем знает?» - «Кума все знает, что на свете делается; да другой раз еще дело и не сделалось, а кума куме уж о том на ухо шепчет, а нашепчутся две кумы - весь мир узнает». - «Смотри, какое диво!» - говорит дед. «Не диво, а правда! Да такая правда, что бывает не только с нашим братом, а водится и промеж старшими». - «Вот что!» - молвил дед и рот разинул; а потом, опомнившись, снял шапку, поклонился куцему селезню и говорит: «А вы, добродее, знаете Верлиоку?» - «Как, как, как не знать! Знаю я его, кривого».

Селезень поворотил голову на сторону (сбоку они лучше видят), прищурил глаз, поглядел на деда, да и говорит: «Эге! С кем не случается беда? Век живи, век учишься, а все дурнем умрешь. Так, так, так!» Поправил крылья, повертел задом и стал учить деда: «Слушай, дедушка, да учишься, как на свете жить! Раз как-то вот тут на берегу начал Верлиока бить какого-то горемыку. А в те поры была у меня за каждым словом поговорка: ах, ах, ах! Верлиока потешается, а я сижу в воде, да так себе и кричу: ах, ах, ах!.. Вот он, управившись по-своему с горемыкою, подбежал ко мне, да, не говоря худого слова, хватить меня за хвост! Да не на таковского напал, только хвост у него в руках остался. Оно хоть хвост и невелик, а все-таки жаль его... Кому свое добро не дорого? Говорят же: всякой птице свой хвост ближе к телу. Верлиока пошел домой, да и говорит дорогою: «Пстой же! Научу я тебя, как за других заступаться». Вот я и взялся за ум и с той поры - кто бы что ни делал, не кричу: ах, ах, ах! а все придакиваю: так, так, так! Что же? И житье стало лучше, и почету от людей больше. Все говорят: «Вот селезень - хоть куцый, да умный!» - «Так не можешь ли ты, добродее, показать мне, где живет Верлиока?» - «Так, так, так!» Селезень вылез из воды и, переваливаясь с боку на бок, словно купчиха, пошел по берегу, а дед за ним.

Идут, идут, а на дороге лежит бечевочка и говорит: «Здравствуй, дедушка, умная

головушка!» - «Здравствуй, бечевочка!» - «Как живешь? Куда идешь?» - «Живу и так и сяк; а иду к Верлиоке на расправу; старуху задушил, двух внучек убил, а внучки были такие хорошие - на славу!» - «Я твоих внучек знала, старуху поважала; возьми и меня на подмогу!» Дед подумал: «Может, пригодится связать Верлиоку!» - и отвечал: «Полезай, когда знаешь дорогу». Веребочка и поползла за ними, словно змея.

Идут, идут, на дороге лежит колотушка, да и говорит: «Здравствуй, дедушка, умная головушка!» - «Здравствуй, колотушка!» - «Как живешь? Куда идешь?» - «Живу и так и сяк; а иду к Верлиоке на расправу. Подумай: старуху задушил, двух внучек убил, а внучки были на славу». - «Возьми меня на подмогу!» - «Ступай, когда знаешь дорогу». А сам думает: «Колотушка и впрямь поможет». Колотушка поднялась, уперлась ручкой о землю и прыгнула.

Пошли опять. Идут, идут, а на дороге лежит желудь и пищит: «Здравствуй, дед долгоногий!» - «Здравствуй, желудь дубовый!» - «Куда это так шагаешь?» - «Иду Верлиоку бить, когда его знаешь». - «Как не знать! Пора уж с ним расплатиться; возьми и меня на подмогу». - «Да чем ты поможешь?» - «Не плюй, дед, в колодезь - достанется водицы напиться; синица не велика птица, да все поле спалила. А еще говорят: мал золотник, да дорог; велика Федора, да дура!» Дед подумал: «А пускай его! Чем больше народу, тем лучше», и говорит: «Плетись позади!» Какое - плетись! Желудь так и скачет впереди всех.

Вот и пришли они в густой, дремучий лес, а в том лесу стоит избушка. Глядят - в избушке никого нет. Огонь давно погас, а на шестке стоит кулиш. Желудь не промах - вскочил в кулиш, веревочка растянулась на пороге, колотушку положил дед на полку, селезня посадил на печку, а сам стал за дверью. Пришел Верлиока, кинул дрова на землю и стал поправлять в печке, Желудь, сидя в кулише, затаил песню: «Пи... пи... пи! Пришли Верлиоку бить!» - «Цыц, кулиш! В ведро вылью», - крикнул Верлиока. А желудь не слушает его, знай свое пищит, Верлиока рассердился, схватил горшок да бух кулиш в ведро. Желудь как выскочит из ведра, щелк Верлиоку прямо в глаз, выбил и последний. Верлиока кинулся было наутек, да не тут-то было - веревочка перецепила его, и Верлиока упал, Колотушка с полки, а дед из-за дверей, и давай его потчевать; а селезень за печкой сидит да приговаривает: «Так, так, так!» Не помогли Верлиоке ни его сила, ни его отвага. Вот вам сказка, а мне бубликов вязка.

{/numeration}